

Комфортная и безопасная среда для жизни: роль агломерационных процессов

Мельников В. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация; melhse@yandex.ru

РЕФЕРАТ

На современном этапе глобализационного развития агломерации выступают локомотивами экономики и социального развития Российской Федерации, на их территориях сконцентрировано более 60 % населения РФ, около 70 % ВВП РФ, финансы, инновации, научный и кадровый потенциал.

Цель исследования — изучить роли агломерационных процессов в достижении национальной цели «комфортная и безопасная среда для жизни». Методы — теоретического обобщения и сравнения, логический, метод сравнительных характеристик, анализа, синтеза.

Информационная база исследования — данные Федеральной службы государственной статистики. В данной работе рассмотрены индикаторы комфортной и безопасной среды для жизни: обеспеченность населения жильем, преступность в регионе, качество городской среды. Автор представил эффекты влияния агломерационных процессов на данные индикаторы.

Агломерационные процессы — это двигатель, который может как создать острейший жилищный кризис, так и стать локомотивом массового доступного жилищного строительства. Агломерационные процессы не являются прямой причиной роста или падения преступности, но создают среду и условия, которые могут быть использованы как в криминальных, так и в законных целях. Эффективное управление позволит создать в агломерации комфортное пространство для жизни.

Проведенное исследование дополняет цикл работ в части исследования эффектов агломерационных процессов и качества проживания.

Ключевые слова: агломерация, агломерационный процесс, национальная цель, комфортная среда для жизни, регион.

Для цитирования: Мельников В. В. Комфортная и безопасная среда для жизни: роль агломерационных процессов // Управленческое консультирование. 2026. № 1. С. 177–192. EDN VUKBZQ

A Comfortable and Safe Living Environment: The Role of Agglomeration Processes

Vadim V. Melnikov

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation; melhse@yandex.ru

ABSTRACT

At the current stage of globalization, agglomerations act as the driving forces of the Russian Federation's economy and social development. They are home to over 60% of the Russian Federation's population, approximately 70% of its GDP, as well as finance, innovation, scientific and human resources.

The objective of this study is to examine the role of agglomeration processes in achieving the national goal of “a comfortable and safe living environment”. The research methods used include theoretical generalization and comparison, logical analysis, comparative characteristics, analysis, and synthesis.

The research is based on data from the Federal State Statistics Service. This paper examines indicators of a comfortable and safe living environment: housing availability, regional crime rates, and the quality of the urban environment. The author presents the impact of agglomeration processes on these indicators.

Agglomeration processes are a driver that can either create a severe housing crisis or become the driving force behind mass affordable housing construction. Agglomeration processes

are not a direct cause of increases or decreases in crime, but they create an environment and conditions that can be exploited for both criminal and legal purposes. Effective management will help create a comfortable living environment in the agglomeration.

This study complements the existing body of work examining the effects of agglomeration processes and quality of life.

Keywords: agglomeration, agglomeration process, national goal, comfortable living environment, region.

For citation: Melnikov V. V. A Comfortable and Safe Living Environment: The Role of Agglomeration Processes // Administrative Consulting. 2026. N 1. P. 177–192. EDN VUKBZQ

Введение

На сегодняшний день ключевым программным документом, определяющим вектор развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу, является Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 312 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹, в котором установлены национальные цели, каждая из которых содержит ряд конкретных показателей (индикаторов). Научный интерес представляет исследование взаимосвязи национальных целей Российской Федерации и агломерационных процессов по ряду фундаментальных причин. Во-первых, агломерации выступают локомотивами экономики и социального развития России, на их территориях сконцентрировано более 60 % населения РФ, около 70 % ВВП РФ, финансы, инновации, научный и кадровый потенциал. Во-вторых, исследование взаимосвязи национальных целей и агломерационных процессов лежит на стыке экономики, социологии, урбанистики и государственного управления. Без четкого понимания особенностей взаимовлияния политика достижения национальных целей может быть неэффективной, а выделяемые ресурсы использоваться не оптимально.

Таким образом, изучение роли агломерационных процессов в достижении целей национального развития целесообразно для разработки согласованной стратегии, в которой позитивные эффекты агломераций будут использованы для развития всей страны, а не отдельных субъектов.

Целью данного исследования выступает изучение роли агломерационных процессов в достижении национальной цели «Комфортная и безопасная среда для жизни»².

Теоретический и библиографический обзор

Научная категория «агломерация» в отечественной литературе получила широкое распространение во второй половине XX в. Агломерация (от лат. *agglomerare* — присоединять, накоплять) — это «компактное расположение, группировка городских поселений, объединенных в единое целое интенсивными производственными, трудовыми, культурно-бытовыми и рекреационными связями»³. Термин «агломерация» был введен в научный экономический оборот Адной Феррин Вебер (США). Основной причиной концентрации населения в городе она определила экономические (структурные) силы, к которым относилась технический прогресс, появление и

¹ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 15.09.2025).

² Там же.

³ Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азриляна. М. : Институт новой экономики, 2002. 1280 с.

развитие торговли, территориальное разделение труда и др. [3]. Г. М. Лаппо под агломерацией понимает «компактную территориальную группировку поселений (главным образом городских), объединенных многообразными и интенсивными связями (хозяйственными, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными)» [8]. Городская агломерация, по мнению П. М. Поляна, возникает вследствие «функционального и пространственного развития крупного города-ядра (или нескольких городов-ядер), в окружении (зоне тяготения) которого формируются поселения разных типов (пригороды, города-спутники и т. п.), тесно связанные с этим городом и служащие его производственными, транспортными, рекреационными, коммунально-хозяйственными и другими дополнениями» [13]. По мнению Г. А. Малояна, агломерация — это «социально-функциональное целостное пространство, внутри которого наиболее устойчивые каждодневно повторяющиеся связи — социальные, трудовые, культурно-бытовые, рекреационные — подчинены регулярным циклам жизнедеятельности проживающего в его пределах населения» [10].

Е. М. Бухвальд агломерацией называет «скопление определенного числа населенных пунктов как городского, так и сельского типа, объединенных в одно целостное территориально-экономическое образование внутриагломерационными хозяйственными, трудовыми и социально-культурными связями» [2]. А. В. Одинцова определяет специфику агломераций: «емкий внутренний рынок, высокий уровень человеческого капитала, качественная городская среда, развитая социальная и инженерная инфраструктура, инновационный потенциал, предпринимательская активность» [11]. В. Л. Квинт и И. В. Середюк приходят к выводу, что «созданию открытых диффузных агломераций благоприятствует ряд трендов: снижение значимости физических расстояний между населенными пунктами, рост городов по вертикали, “перегрузка” крупнейших центров с достижением максимальных уровней урбанизации и последующей субурбанизацией, развитие креативных и умных городов, цифровизация, диверсификация экономики села, сельский туризм, популярность экопоселений и зеленый переход» [4].

Агломерационный процесс — это «концентрация экономической активности в регионе (в городе) в динамике» [14]. По мнению Н. Н. Киселевой, агломерационный процесс — это «пространственно-временная динамика концентрации экономической, инновационной и деловой активности как степень сосредоточения производства» [5]. «Агломерационные процессы от ядра распространяются преимущественно лишь на ближайшую к нему территорию, что проявляется в наличии только по этой линии высокого уровня маятниковой миграции, в сближении и определенной синхронизации их развития по ключевым социально-экономическим показателям» [5]. В. В. Бирюлина и И. И. Юрасова заключают, что «эффективное развитие агломерационных процессов — это согласование, соблюдение баланса интересов всех заинтересованных групп субъектов в проекте — администрации, бизнеса, населения. Достижение возможно только путем разумных и взвешенных компромиссов. Позиция учета интересов отдельных территорий (или личных интересов), а не интересов агломерации, приводит к стихийности развития агломерационных процессов и наносит значительный ущерб социальной и экономической жизни муниципалитета, региона, страны» [1]. А. В. Суворова пришла к выводу, что «в контексте управления агломерационным процессом необходимо учитывать значимость институционализации его объекта (т. е. агломерации), а также понимания инструментов для формирования ресурсной основы осуществления данного процесса» [15].

Исследованию агломерационных процессов большое внимание уделяется представителями новой экономической географии [20; 23; 24; 26]. По результатам ряда эмпирических исследований утверждалось, что агломерационный процесс продолжается до определенного момента — начала процесса рассеивания (*dispersion*) — когда центробежные силы начинают превалировать над центростремительными.

При изучении агломерационных процессов целесообразно представить методические подходы к оценке агломераций, пространственной концентрации и периферии. Ю. Л. Пивоваров разработал методику определения границ агломераций [12]. Для идентификации пространственной концентрации применяется ряд индексов: индекс Джини [21], индекс Тейла [7; 9], индекс Аткинсона [17], индекс концентрации Херфиндала — Хиршмана [16; 22; 25], индекс специализации П. Кругмана [23].

Методические подходы к оценке периферии находятся в процессе формирования и становления; обозначим значимые, на наш взгляд, индексы периферизации территорий: индекс периферизации Кибла [17], индекс периферизации Эдера [19].

Таким образом, можно заключить о наличии значимого объема теоретических и эмпирических работ по вопросам развития агломерационных процессов в пространственной экономике, а также о том, что теоретико-методологические исследования, объясняющие агломерационные процессы, находятся на стадии интенсивного развития.

Методы и информационная база исследования

Достижение заявленной цели исследования возможно с применением общенаучных методов: теоретического обобщения и сравнения, логического, метода сравнительных характеристик, анализа, синтеза. Информационная база исследования — данные Федеральной службы государственной статистики.

Результаты исследования

Для достижения национальной цели «Комфортная и безопасная среда для жизни»⁴ определены целевые показатели и задачи. В рамках данного исследования целесообразно представить значимые для развития агломерационных процессов индикаторы:

- обеспечение граждан жильем общей площадью не менее 33 кв. метров на человека к 2030 г.; не менее 38 кв. метров к 2036 г.;
- обновление к 2030 г. жилищного фонда не менее чем на 20 % по сравнению с показателем 2019 г.;
- устойчивое сокращение непригодного для проживания жилищного фонда;
- повышение доступности жилья на первичном рынке;
- обеспечение значимого роста энергетической и ресурсной эффективности в жилищно-коммунальном хозяйстве, промышленном и инфраструктурном строительстве;
- увеличение к 2030 г. доли соответствующих нормативным требованиям автомобильных дорог федерального значения и дорог крупнейших городских агломераций не менее чем до 85 %, опорной сети автомобильных дорог — не менее чем до 85 %, автомобильных дорог регионального или межмуниципального значения — не менее чем до 60 %.

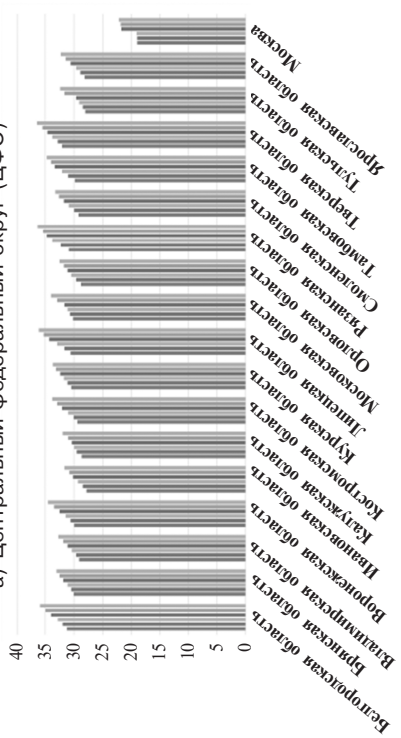
Таким образом, с учетом вышеизложенного, для проведения исследования обоснованы индикаторы комфортной и безопасной среды для жизни:

Обеспеченность населения жильем — это ключевой индикатор комфорта проживания, который отражает количественную сторону жилищных условий населения (рис. 1).

Таким образом, по данным, представленным на рис. 1, можно заключить, что широкой дифференциации в субъектах РФ по обеспеченности населения жильем не

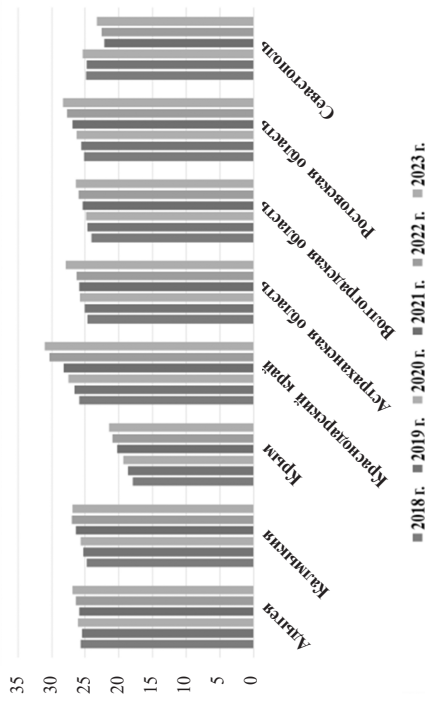
⁴ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 15.09.2025).

а) Центральный федеральный округ (ЦФО)

■ 2018 г. ■ 2019 г. ■ 2020 г. ■ 2021 г. ■ 2022 г. ■ 2023 г.

в) Южный федеральный округ (ЮФО)

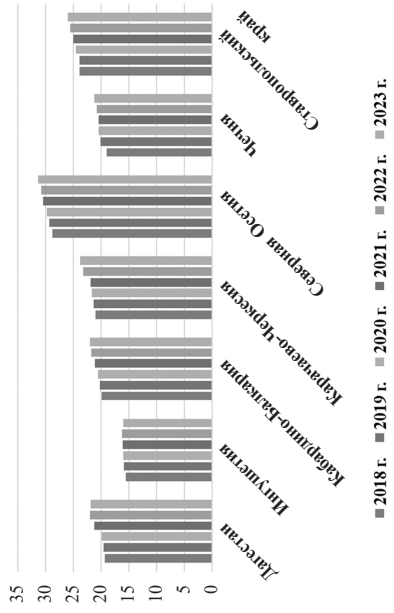
■ 2018 г. ■ 2019 г. ■ 2020 г. ■ 2021 г. ■ 2022 г. ■ 2023 г.

б) Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)

■ 2018 г. ■ 2019 г. ■ 2020 г. ■ 2021 г. ■ 2022 г. ■ 2023 г.

г) Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)

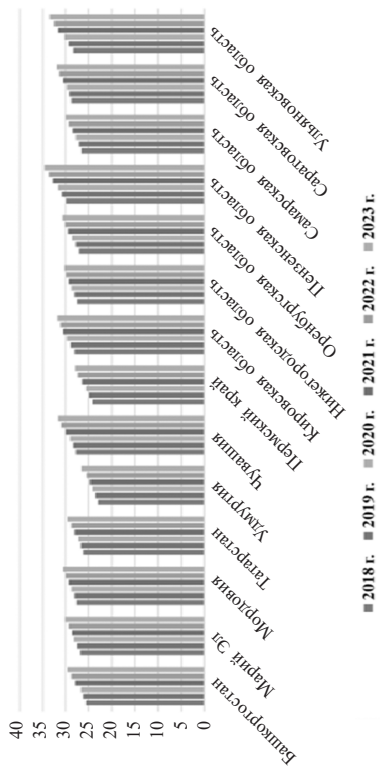

■ 2018 г. ■ 2019 г. ■ 2020 г. ■ 2021 г. ■ 2022 г. ■ 2023 г.

Рис. 1. Динамика площади жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, в регионах Российской Федерации в 2018–2023 гг., м². (Окончание рис. на стр. 182)

Fig. 1. Dynamics of the average area of residential premises per capita in the regions of the Russian Federation in 2018–2023, m²

д) Приволжский федеральный округ (ПФО)

ж) Сибирский федеральный округ (СФО)

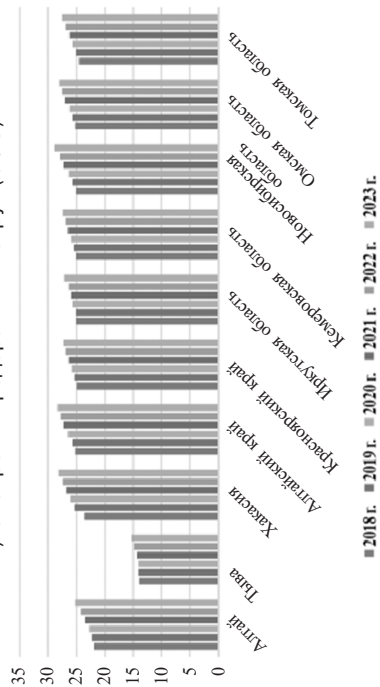
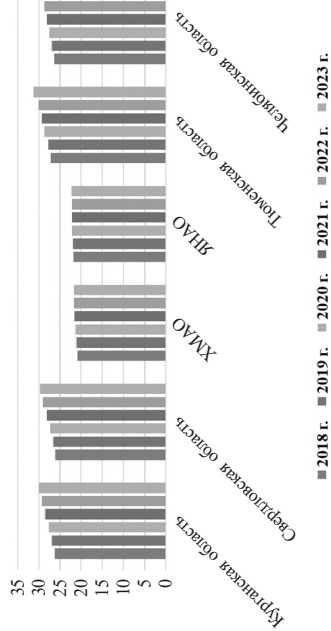

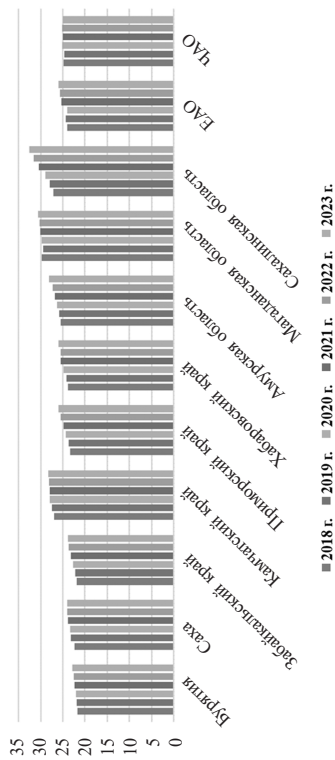
Рис. 1. (Окончание, начало на с.181) Динамика площади жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, в регионах Российской Федерации в 2018–2023 гг., м²

Fig. 1. Dynamics of the average area of residential premises per capita in the regions of the Russian Federation in 2018–2023, m²
 Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>;
 АС «Региональные экономические стратегии» [Электронный ресурс]. URL: <https://company.molnet.ru/products/strategy/> (дата обращения: 24.09.2025).

е) Уральский федеральный округ (УрФО, УФО)

з) Дальневосточный федеральный округ (ДФО)

наблюдается. Положительная динамика намечена с 2020 г., так как снижение ставок по ипотечным кредитам позволило улучшить жилищные условия населения РФ.

На данный индикатор агломерационные процессы оказывают двойственный эффект (рис. 2).

Таким образом, агломерационные процессы — это двигатель, который может как создать острейший жилищный кризис, так и стать локомотивом массового доступного жилищного строительства. Все зависит от того, насколько грамотно этот процесс управляется.

Преступность в регионе — это один из самых важных негативных индикаторов комфорта (рис. 3). Он отражает не только безопасность, но и общее социальное здоровье региона.

По анализируемому показателю субъекты РФ широко дифференцированы. В 2018 г. максимальные значения получены для Республики Тыва (28,31), минимальные значения — Республика Чечня (2,29); в 2019 г. максимальные значения — Тыва

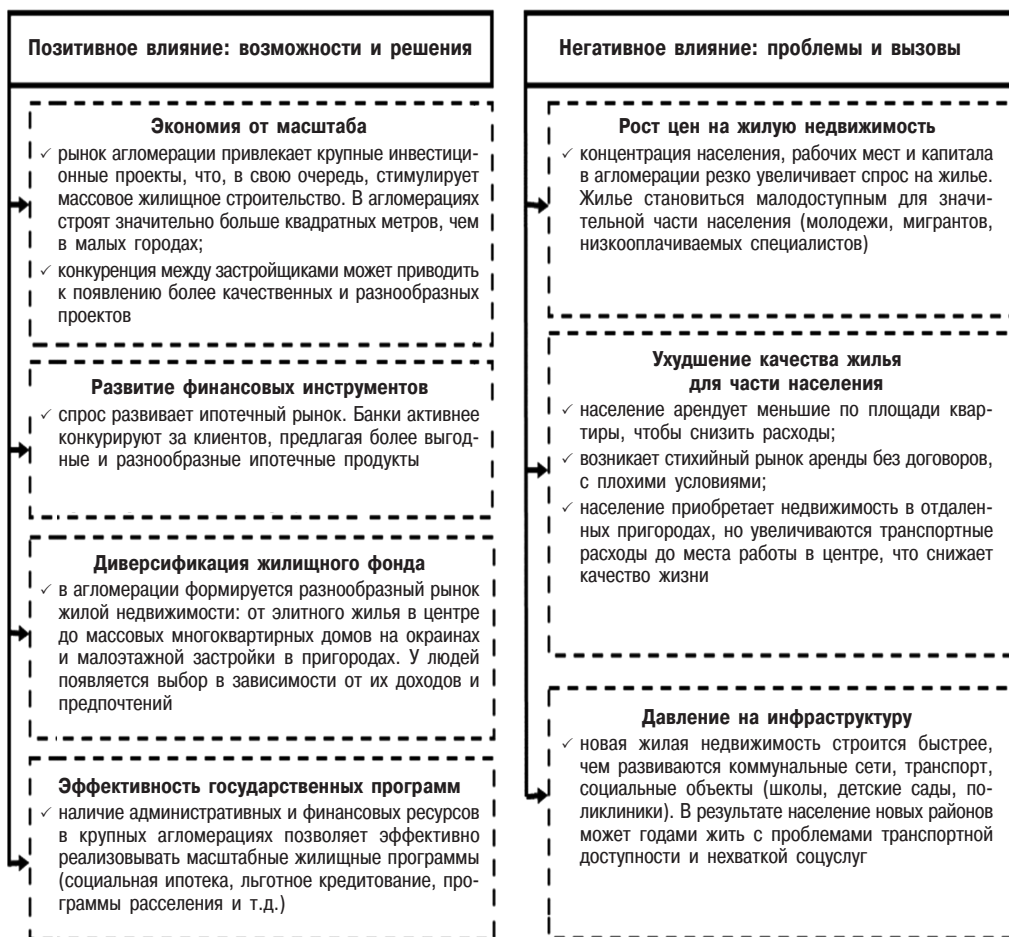
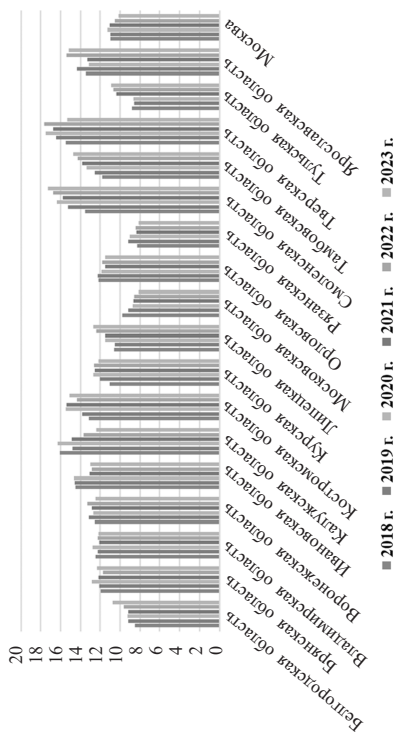

Рис. 2. Эффекты влияния агломерационных процессов на обеспеченность населения жильем

Fig. 2. Effects of agglomeration processes on the provision of housing to the population

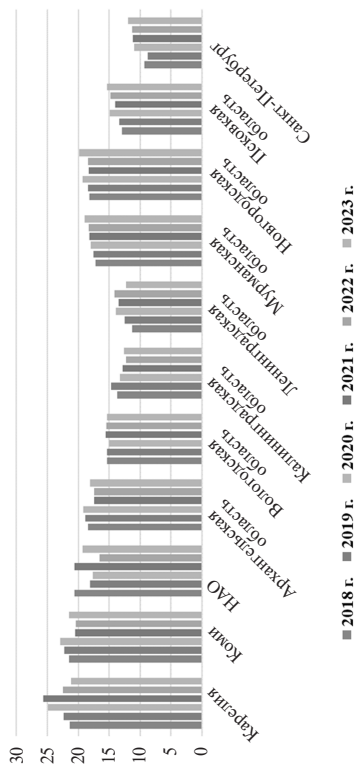
Источник: составлено автором.

а) Центральный федеральный округ (ЦФО)

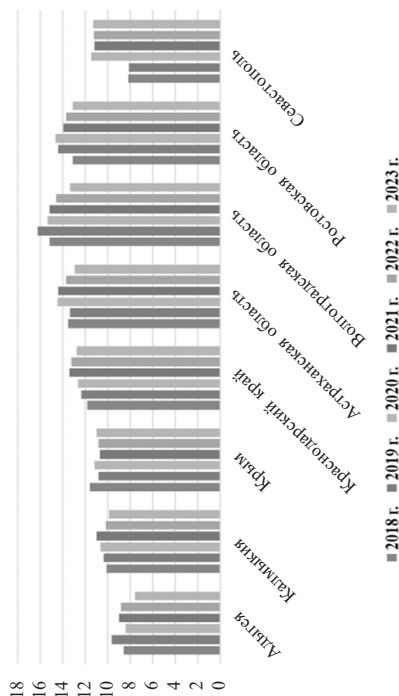
■ 2018 г. ■ 2019 г. ■ 2020 г. ■ 2021 г. ■ 2022 г. ■ 2023 г.

б) Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)

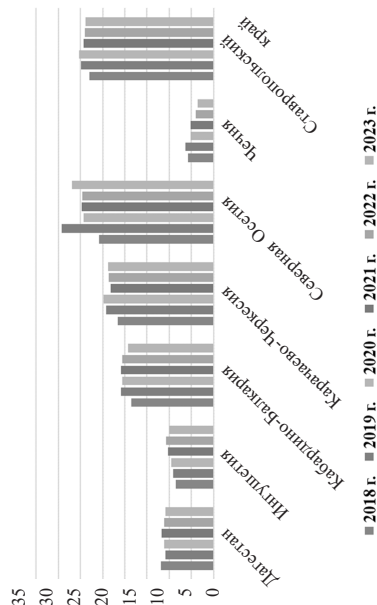
■ 2018 г. ■ 2019 г. ■ 2020 г. ■ 2021 г. ■ 2022 г. ■ 2023 г.

в) Южный федеральный округ (ЮФО)

■ 2018 г. ■ 2019 г. ■ 2020 г. ■ 2021 г. ■ 2022 г. ■ 2023 г.

г) Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)

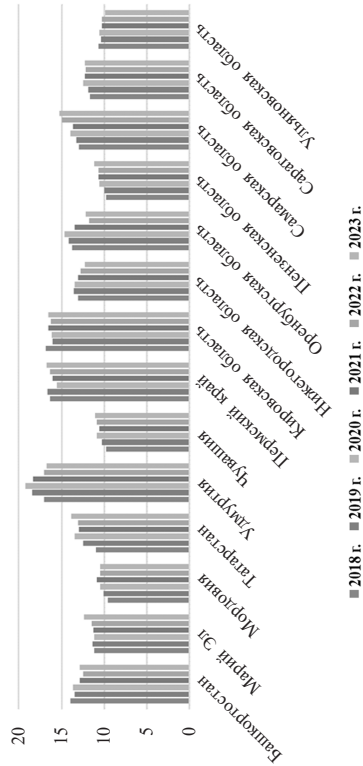

■ 2018 г. ■ 2019 г. ■ 2020 г. ■ 2021 г. ■ 2022 г. ■ 2023 г.

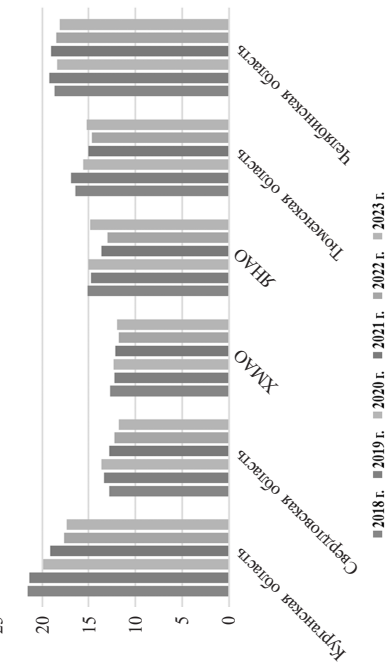
Рис. 3. Динамика количества преступлений в регионах Российской Федерации в 2018–2023 гг., ед. на 1000 чел. (Окончание рис. на стр. 185)

Fig. 3. Dynamics of the number of crimes in the regions of the Russian Federation in 2018–2023, units per 1000 people

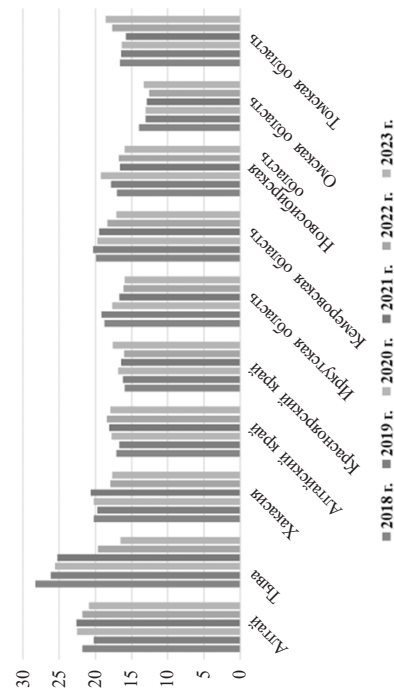
д) Приволжский федеральный округ (ПФО)

е) Уральский федеральный округ (УрФО, УФО)

ж) Сибирский федеральный округ (СФО)

з) Дальневосточный федеральный округ (ДФО)

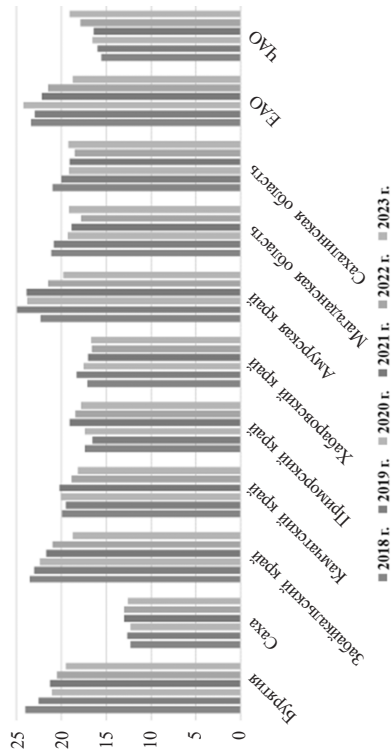

Рис. 3. (Окончание, начало на с.184) Динамика количества преступлений в регионах Российской Федерации в 2018–2023 гг., ед. на 1000 чел. (Окончание, начало на стр. 184)

Fig. 3. Dynamics of the number of crimes in the regions of the Russian Federation in 2018–2023, units per 1000 people

Источники: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652>; АС «Региональные экономические стратегии» URL: <https://company.molnet.ru/products/strategy> (дата обращения: 24.09.2025).

(26,4), минимальные значения — Чечня (2,56); в 2020 г. максимальные значения — Тыва (25,61), минимальные значения — Республика Чечня (2,1); в 2021 г. максимальные значения — Республика Карелия (25,68), минимальные значения — Чечня (2,07); в 2022 г. максимальные значения — Республика Карелия (22,45), минимальные значения — Республика Чечня (1,58); в 2023 г. максимальные значения — Республика Коми (21,49), минимальные значения — Республика Чечня (1,44). В целом можно сделать вывод, что за анализируемый период намечена положительная тенденция снижения количества преступлений.

Влияние агломерационных процессов на преступность в регионе неоднозначно. Целесообразно выделить факторы, повышающие уровень преступности (криминогенные), и факторы, которые могут его снижать (криминоредуцирующие) (рис. 4).

Таким образом, агломерационные процессы сами по себе не являются прямой причиной роста или падения преступности, но создают среду и условия, которые могут быть использованы как в криминальных, так и в законных целях. Если доминируют неравенство, маргинализация, то преступность растет. Если доминируют

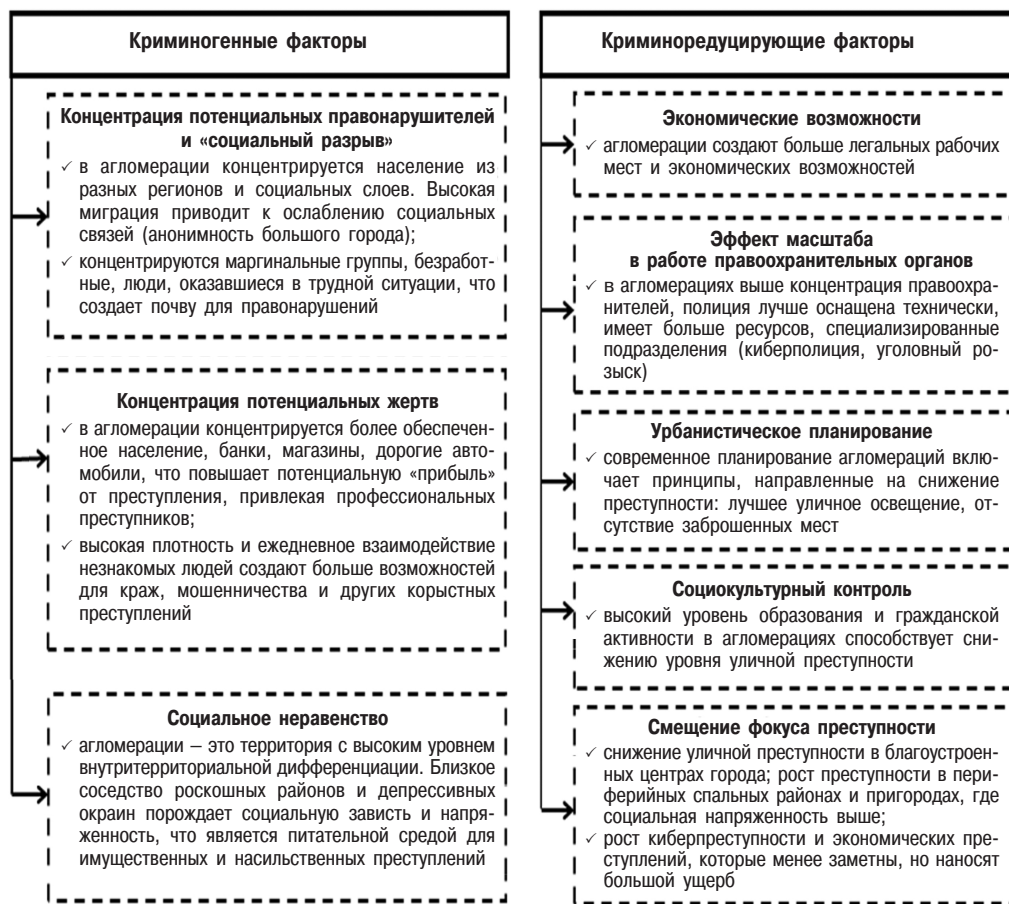
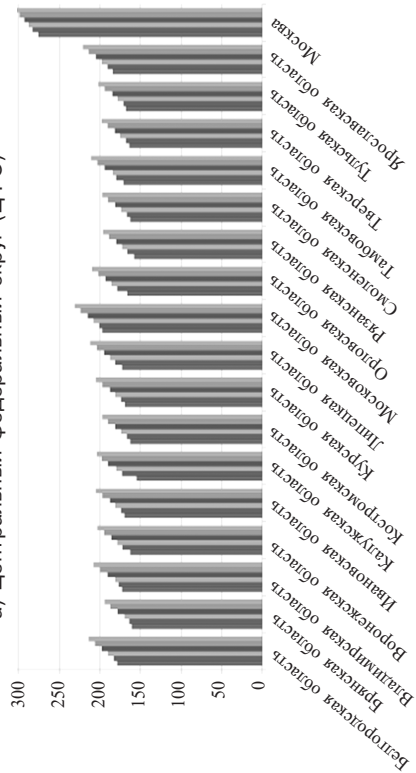

Рис. 4. Эффекты влияния агломерационных процессов на преступность в регионе

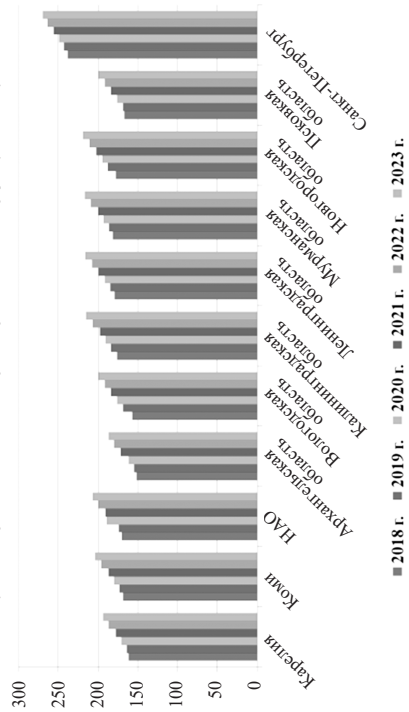
Fig. 4. Effects of agglomeration processes on crime in the region

Источник: составлено автором.

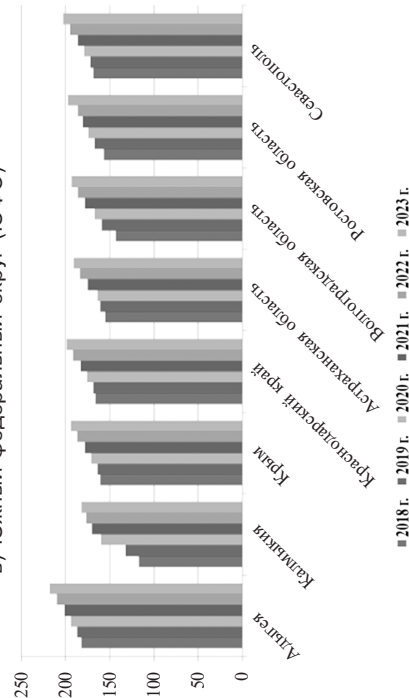
а) Центральный федеральный округ (ЦФО)

б) Северо-Западный федеральный округ (СЗФО)

в) Южный федеральный округ (ЮФО)

г) Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО)

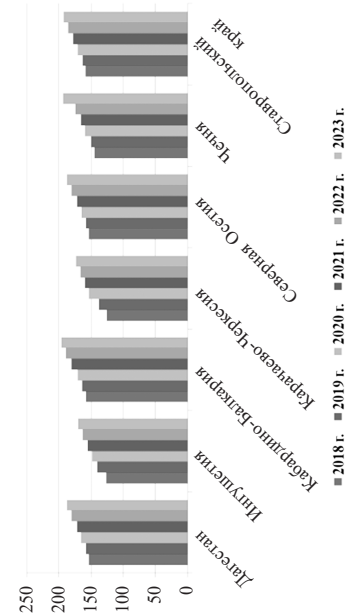
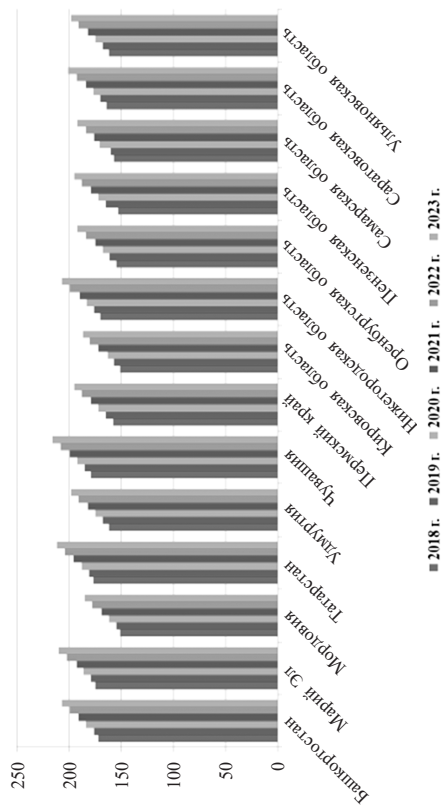

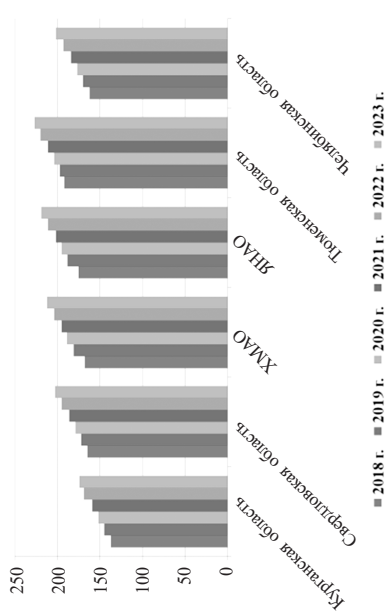
Рис. 5. Динамика индикатора «качество городской среды» в регионах Российской Федерации в 2018–2023 гг., балл. (Окончание рис. на стр. 188)

Fig. 5. Dynamics of the indicator "quality of the urban environment" in the regions of the Russian Federation in 2018–2023, points

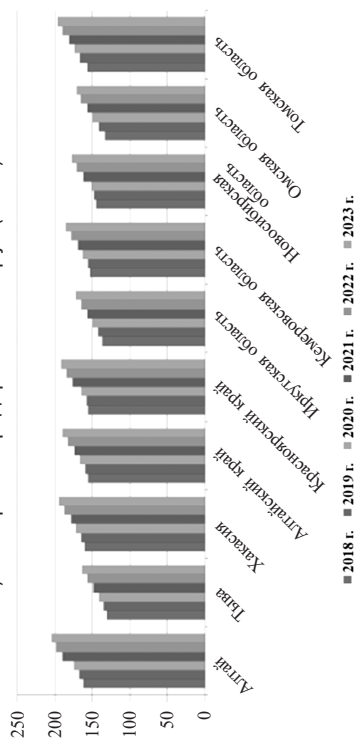
д) Приволжский федеральный округ (ПФО)

е) Уральский федеральный округ (УрФО, УФО)

ж) Сибирский федеральный округ (СФО)

з) Дальневосточный федеральный округ (ДФО)

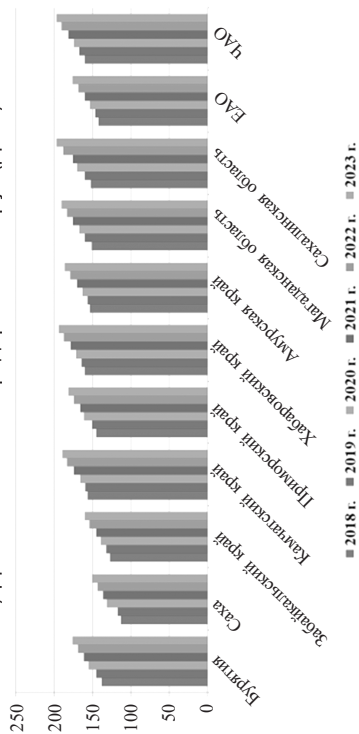

Рис. 5. (Окончание, начало на с.187) Динамика индикатора «качество городской среды» в регионах Российской Федерации в 2018–2023 гг., балл

Fig. 5. Dynamics of the indicator “quality of the urban environment” in the regions of the Russian Federation in 2018–2023, points

Источник: составлено автором.

экономические возможности, эффективная работа полиции и грамотное городское планирование — преступность может снижаться или менять свою форму.

Качество городской среды — это ключевой и комплексный индикатор комфорта проживания. В отличие от узких показателей (как обеспеченность жильем или уровень преступности), оно отражает совокупность условий, которые напрямую влияют на повседневное самочувствие, удовлетворенность и благополучие человека в городе (рис. 5).

Таким образом, за период 2018–2023 гг. наблюдается тенденция улучшения качества городской среды. По данным, представленным на рис. 5, можно сделать заключение о значимой дифференциации данного индикатора в регионах РФ: лидерами являются Москва и Санкт-Петербург, минимальные значения получены для Республики Саха (Якутия).

Влияние агломерационных процессов на качество городской среды неоднозначно, во многом зависит от стадии развития агломерации, управленческих решений и инвестиций в инфраструктуру (рис. 6).

Таким образом, агломерационные процессы при плохом управлении (коррупция, отсутствие стратегического планирования и инвестиций в инфраструктуру) могут усиливать негативные эффекты. Эффективное управление позволит создать в агломерации комфортное пространство для жизни.

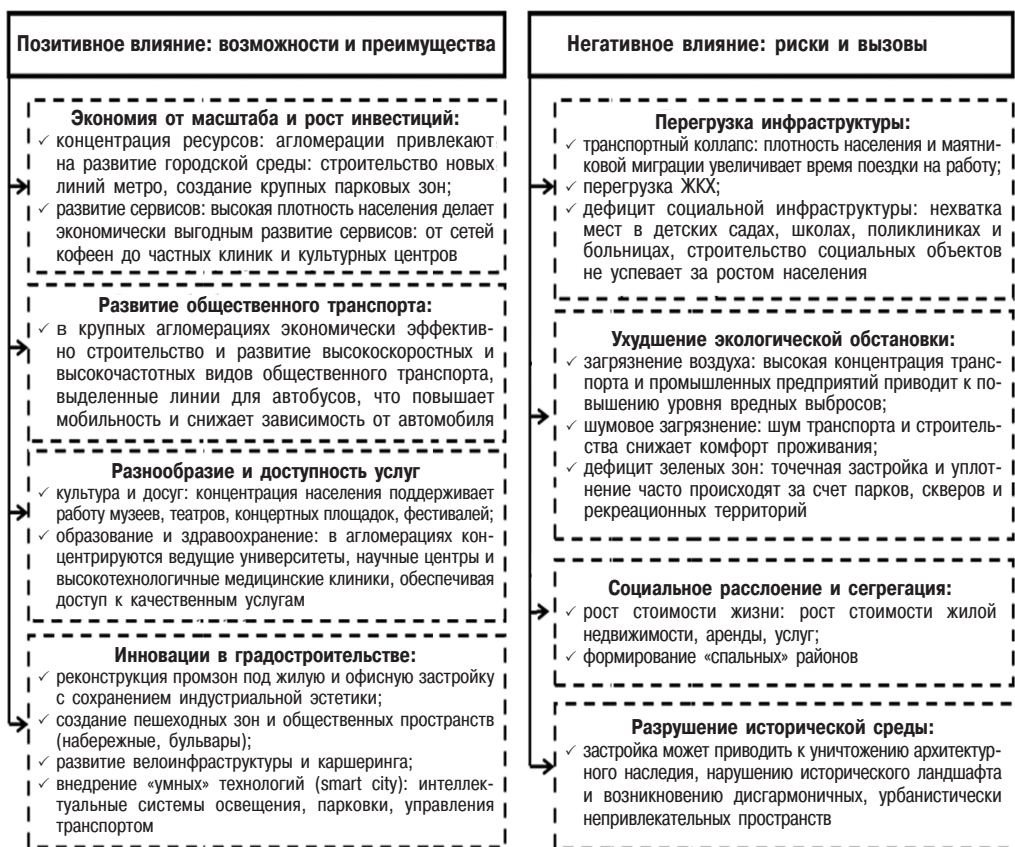

Рис. 6. Эффекты влияния агломерационных процессов на качество городской среды
Fig. 6. Effects of agglomeration processes on the quality of the urban environment

Источник: составлено автором.

Заключение

Для достижения национальной цели «Комфортная и безопасная среда для жизни» определены целевые показатели и задачи. В данной работе рассмотрены индикаторы комфортной и безопасной среды для жизни: обеспеченность населения жильем, преступность в регионе, качество городской среды. Автор представил эффекты влияния агломерационных процессов на данные индикаторы. Агломерационные процессы — это двигатель, который может как создать острейший жилищный кризис, так и стать локомотивом массового доступного жилищного строительства. Все зависит от того, насколько грамотно этот процесс управляется. Агломерационные процессы не являются прямой причиной роста или падения преступности, но создают среду и условия, которые могут быть использованы как в криминальных, так и в законных целях. Агломерационные процессы при плохом управлении могут усиливать негативные эффекты. Эффективное управление позволит создать в агломерации комфортное пространство для жизни. Проведенное исследование дополняет цикл работ в части исследования эффектов агломерационных процессов и качества проживания.

Литература

1. Бирюлина В. В., Юрасова И. И. Особенности агломерационного мышления: отечественная и зарубежная практика // XI Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». 2016. С. 217–226.
2. Бухвальд Е. М. Агломерации и проблемы их законодательного регулирования // Жилищные стратегии. 2021. Т. 8, № 1. С. 11–26. DOI 10.18334/zhs.8.1.111982.
3. Вебер А. Ф. Рост городов в XIX столетии / пер. с англ. А. Н. Котельникова. СПб. : Изд. Е. Д. Кусковой, 1903. 464 с.
4. Квинт В. Л., Середюк И. В. Стратегическая оценка соответствия открытых диффузных агломераций глобальным, национальным и региональным трендам (на примере агломераций Кемеровской области — Кузбасса) // Экономика промышленности. 2025. № 18 (1). С. 7–23. DOI 10.17073/2072-1633-2025-1-1435.
5. Киселева Н. Н., Бавина К. В., Каратунов А. В. Методические подходы к исследованию природы агломерационных процессов // Фундаментальные исследования. 2016. № 12 (2). С. 422–426.
6. Кожевников С. А., Ворошилов Н. В. Агломерационные процессы в регионах России: особенности и проблемы активизации позитивных эффектов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. № 17 (1). С. 91–109. DOI 10.15838/esc.2024.1.91.5.
7. Коломак Е. А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснение новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 132–150.
8. Лаппо Г. М., Полян П. М., Селиванова Т. И. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 46.
9. Малкина М. Ю. Оценка факторов конвергенции/дивергенции российских регионов по уровню бюджетной обеспеченности на основе декомпозиции индексов Тейла — Бернулли // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 16–37. DOI 10.14530/se.2016.3.016-037.
10. Малоян Г. А. Агломерация — градостроительные проблемы : монография. М. : Издательство Ассоциации строительных вузов, 2010. 120 с.
11. Одинцова А. В. Проблемы развития агломераций в России // Федерализм. 2021. Т. 26. № 2 (102). С. 65–83. DOI 10.21686/2073-1051-2021-2-65-83.
12. Пивоваров Ю. Л. Сжатие «экономической ойкумены России // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4. С. 63–69.
13. Полян П. М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. Ч. 1. М. : ИГАН СССР, 1988. 220 с.
14. Растворцева С. Н. Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии : [монография]. М. : Эконинформ, 2013. 131 с.

15. Суворова А. В. Городские агломерации: особенности функционирования и методологические принципы развития // Теоретическая и прикладная экономика. 2023. № 4. С. 1–17. DOI 10.25136/2409-8647.2023.4.68863.
16. Суворова А. В., Котлярова С. Н. Особенности концентрации населения и жилья в регионах Уральского федерального округа // Муниципалитет: экономика и управление. 2023. № 4 (45). С. 33–41. DOI 10.22394/2304-3385-2023-4-33-41.
17. Atkinson A. B. On the measurement of inequality // Journal of Economic Theory. 1970. Vol. 2. P. 244–263.
18. Copus A. K. From core-periphery to polycentric development: concepts of spatial and aspatial peripherality // European Planning Studies. 2001. Vol. 9 (4). P. 539–552.
19. Eder J. Peripheralization and knowledge bases in Austria: Towards a new regional typology // European Planning Studies. 2019. Vol. 27 (1). P. 42–67.
20. Florida R. The economic geography of talent // Annals of the Association of American geographers. 2002. Vol. 92. N 4. P. 743–755.
21. Gini C. Sulla misura della concentrazione e della variabilità dei caratteri. Atti Del Reale Istituto Veneto Di Scienze, Lettere Ed Arti, LXXVIII (Parte Seconda). 1914. P. 1203–1248.
22. Han L., Song Y. The method of measuring the agglomeration degree of high-tech industries and its influence mechanism: Taking Guangdong province as an example // Mathematical Problems in Engineering. 2021. Vol. 3. P. 1–14. DOI 10.1155/2021/5585398.
23. Krugman P. Increasing returns and economic geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99. P. 483–499.
24. Krugman P., Venables A. J. Integration, specialization, and adjustment // European Economic Review. 1996. Vol. 40. P. 959–467.
25. Lin H. L., Li H. Y., Yang C. H. Agglomeration and productivity: Firm-level evidence from China's textile industry // China Economic Review. 2011. Vol. 22 (3). P. 313–329.
26. Puga D. The rise and fall of regional inequalities // European Economic Review. 1999. Vol. 43. P. 303–334.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Об авторе:

Мельников Вадим Вячеславович, соискатель кафедры прикладной экономики и экономической безопасности Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Российская Федерация); melhse@yandex.ru

References

1. Biryulina V. V., Yurasova I. I. Features of agglomeration thinking: domestic and foreign practice // XI International Conference "Russian Regions in the Focus of Change". 2016. P. 217–226. (In Russ.).
2. Bukhvald E. M. Agglomerations and problems of their legislative regulation // Housing Strategies [Zhilishchnye strategii]. 2021. Vol. 8? N 1. P. 11–26. DOI 10.18334/zhs.8.1.111982. (In Russ.).
3. Weber A. F. Urban growth in the 19th century / translated from English by A. N. Kotelnikov. St. Petersburg: E. D. Kuskova Publishing House? 1903. 464 p. (In Russ.).
4. Kvint V. L., Seredyuk I. V. Strategic assessment of the compliance of open diffuse agglomerations with global, national, and regional trends (using the Kemerovo region — Kuzbass agglomerations as an example) // Industrial Economics [Ekonomika promyshlennosti]. 2025. N 18 (1). P. 7–23. DOI 10.17073/2072-1633-2025-1-1435 (In Russ.).
5. Kiseleva N. N., Bavina K. V., Karatunov A. V. Methodological approaches to studying the nature of agglomeration processes // Fundamental research [Fundamental'nye issledovaniya]. 2016. N 12 (2). P. 422–426. (In Russ.).
6. Kozhevnikov S. A., Voroshilov N. V. Agglomeration processes in the regions of Russia: features and problems of activating positive effects // Economic and social changes: facts, trends, forecast [Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz]. 2024. N 17 (1). P. 91–109. DOI 10.15838/esc.2024.1.91.5. (In Russ.).
7. Kolomak E. A. Uneven spatial development in Russia: an explanation of the new economic geography // Economic issues [Voprosy ekonomiki]. 2013. N 2. P. 132–150. (In Russ.).
8. Lappo G. M., Polyan P. M., Selivanova T. I. Agglomerations of Russia in the 21st Century // Bulletin of the Irkutsk Region Regional Development Fund [Vestnik Fonda regional'nogo razvitiya Irkutskoj oblasti]. 2007. N 1. P. 46. (In Russ.).

9. Malkina M. Yu. Assessing Convergence/Divergence Factors of Russian Regions by Budget Capacity Level Based on Theil-Bernoulli Indices Decomposition // *Spatial Economics [Prostranstvennaya ekonomika]*. 2016. N 3. P. 16–37. DOI 10.14530/se.2016.3.016-037. (In Russ.).
10. Maloyan G. A. Agglomeration — Urban Development Problems : Monograph. Moscow: Publishing House of the Association of Construction Universities, 2010. 120 p. (In Russ.).
11. Odintsova A. V. Problems of Agglomeration Development in Russia // *Federalism [Federalizm]*. 2021. Vol. 26. N 2 (102). P. 65–83. DOI 10.21686/2073-1051-2021-2-65-83. (In Russ.).
12. Pivovarov Yu. L. Compression of the “Economic Oikumene of Russia” // *World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2002. N 4. P. 63–69. (In Russ.).
13. Polyak P. M. Methodology for Identifying and Analyzing the Supporting Framework of Settlement. Part 1. Moscow: Institute of the Academy of Sciences of the USSR, 1988. 220 p. (In Russ.).
14. Rastvortseva S. N. Managing the Development of Processes of Concentration of Economic Activity in the Region: Approaches of the New Economic Geography : [monograph]. Moscow: Econ-inform. 2013. 131 p. (In Russ.).
15. Suvorova A. V. Urban Agglomerations: Functioning Features and Methodological Principles of Development // *Theoretical and Applied Economics [Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika]*. 2023. N 4. P. 1–17. DOI 10.25136/2409-8647.2023.4.68863 E (In Russ.).
16. Suvorova A. V., Kotlyarova S. N. Features of Population and Housing Concentration in the Regions of the Ural Federal District // *Municipality: Economics and Management [Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie]*. 2023. N 4 (45). P. 33–41. DOI 10.22394/2304-3385-2023-4-33-41. (In Russ.).
17. Atkinson A. B. On the measurement of inequality // *Journal of Economic Theory*. 1970. Vol. 2. P. 244–263.
18. Copus A. K. From core-periphery to polycentric development: concepts of spatial and aspatial peripherality // *European Planning Studies*. 2001. Vol. 9 (4). P. 539–552.
19. Eder J. Peripheralization and knowledge bases in Austria: Towards a new regional typology // *European Planning Studies*. 2019. Vol. 27 (1). P. 42–67.
20. Florida R. The economic geography of talent // *Annals of the Association of American geographers*. 2002. Vol. 92. N 4. P. 743–755.
21. Gini C. Sulla misura della concentrazione e della variabilità dei caratteri. *Atti Del Reale Istituto Veneto Di Scienze, Lettere Ed Arti, LXXVIII (Parte Seconda)*. 1914. P. 1203–1248.
22. Han L., Song Y. The method of measuring the agglomeration degree of high-tech industries and its influence mechanism: Taking Guangdong province as an example // *Mathematical Problems in Engineering*. 2021. Vol. 3. P. 1–14. DOI 10.1155/2021/5585398.
23. Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. P. 483–499.
24. Krugman P., Venables A. J. Integration, specialization, and adjustment // *European Economic Review*. 1996. Vol. 40. P. 959–467.
25. Lin H. L., Li H. Y., Yang C. H. Agglomeration and productivity: Firm-level evidence from China's textile industry // *China Economic Review*. 2011. Vol. 22 (3). P. 313–329.
26. Puga D. The rise and fall of regional inequalities // *European Economic Review*. 1999. Vol. 43. P. 303–334.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

About the author:

Vadim V. Melnikov, PhD candidate in the Department of Applied Economics and Economic Security of Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation); melhse@yandex.ru

Поступила в редакцию: 05.10.2025
 Поступила после рецензирования: 01.11.2025
 Принята к публикации: 01.12.2025

The article was submitted: 05.10.2025
 Approved after reviewing: 01.11.2025
 Accepted for publication: 01.12.2025

© Мельников В. В., 2026